

S. G. Vorkachev (Krasnodar) FROM EACH ACCORDING TO THE UNWRITTEN RULES: PARTICULAR JUSTICE À LA RusSE

The paper studies the idea of justice as reflected in modern Russian fiction, newspaper articles, radio and television programs, everyday discourse, etc. The author argues that there is no absolute justice; the idea of justice is restricted to the insiders of a social group (particular justice). In contemporary Russia the social group of the outlaws has forced its unwritten rules upon the whole society. The lexicon of the national language followed this social trend by accepting and widely using several specific lexical units from the jargon of the criminal world, thus importing corporate moral principles into national ethics.

С. Г. Воркачѳв (Краснодар)

**ОТ КАЖДОГО ПО ПОНЯТИЯМ:
ПАРТИКУЛЯРНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПО-РУССКИ**

«Нет правды на земле. / Но нет её и выше» – утверждает пушкинский Сальери. Действительно, справедливости универсальной – справедливости для всех, нет ни на земле, ни на небе. Тем не менее, ближе всего к абсолютной справедливости стоит, наверное, её понимание в мифологическом сознании, где она отождествляется с некоей силой, сохраняющей баланс добра и зла в мире, в котором, как в армии, исполнение любого предписания поощряется, а его неисполнение наказуется, причём наказание зачастую исходит от самой природы, принимает вид стихийных бедствий и болезней (см.: Толстая 2000: 378) и воздается, можно сказать, автоматически. Справедливость в любом другом понимании – это справедливость частная («партикулярная» – Лейнг-Стефан 2003: 598), относительная – справедливость «для своих», спокойно допускающая «нравственные исключения» (Лейнг-Стефан 2003: 602) для «чужих».

Если представить *ordo justitiae* («порядок справедливости») в виде концентрических кругов, то его внешние границы образует справедливость универсальная, космогоническая, внутри же находятся «частные справедливости»: теическая, этническая и групповая, а его центральную точку образует справедливость персональная – индивидуальная, которая, собственно говоря, уже справедливостью и не является.

Второй, более узкий круг образует справедливость теическая, вернее, монотеическая, первая заповедь которой («*Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим*» – Исх. 20: 3; Втор. 5: 7) «отсекает» от «пользователей» божественной справедливости всех неверующих и иноверцев – «чужих», для которых нет спасения и жизни вечной, и, следовательно, нет воздаяния за добродетельную жизнь на этом свете и нет компенсации за правдолюбивые страдания. Во Христе «*несть эллина, ни иудея*» (Кол. 3: 1), однако для христиан есть басурмане – иноверцы и нечестивые, на которых справедливость и милосердие не распространяются, достаточно вспомнить крестовые походы, религиозные войны, Варфоломеевскую ночь и пр.

Следующий круг – круг этнической, национальной справедливости. Следует отметить, что, как свидетельствует этимология, сами представления о «своем» и «чужом» в русском языке сформировались именно на этническом уровне: «свой» – это свободный, т. е. принадлежащий к своему роду-племени и пользующийся определёнными правами, в то время как «чужой», заимствованное из готского языка и производное от индоевропейского *teuta «народ, земля», первоначально означало «чужеземец» (см.: Фасмер 2003, т. 3: 582–583; т. 4: 379; Шанский-Боброва 2000: 283, 366; Черных 1999, т. 2: 148, 395). В круг национальной справедливости входят все «свои», в том числе и «свои сукины дети», на «чужие» этносы она не распространяется, свидетельство этому – существование двойных стандартов, о чем весьма красноречиво, как уже отмечалось, говорит Ф. Тютчев: *«Давно наукой фарисейской / Двойная правда создалась: / Для них – закон и равноправность, / Для нас – насилье и обман»* («Славянам»).

Далее идёт круг справедливости, которую так и тянет назвать «социальной», – круг справедливости групповой: классовой и корпоративной. Здесь, в зависимости от «референтной группы», в число «чужих», на которых не распространяется внутрigrупповая справедливость, включаются «подлые сословия», аристократы, буржуи, интеллигенты, враги народа, лохи, фраера и пр. – все они рискуют попасть в область «нравственных исключений», когда их уничтожение будет «способствовать победе нового общественного строя» и с этой точки зрения быть «моральным».

И, наконец, центр круга образует «личная справедливость», которая, по определению, справедливостью не является, поскольку не признает каких-либо прав другого и не обладает какой-либо степенью всеобщности.

Юристы сетуют: в современном российском обществе господствует аномия – всеобщее неуважение к законам и бессилие последних, что совершенно справедливо в отношении законов писанных, общегосударственных. Однако, как известно, свято место пусто не бывает, и правовой вакуум в социуме немедленно заполняется законами иными, неписанными, получившими в русском языке имя «понятий».

По мысли Св. Августина, государство без справедливости является вертепом разбойников (см.: Августин Аврелий 1998: 9).

Здесь можно заметить, что и в вертепе разбойников есть своя справедливость: разбойничья, корпоративная, на основании которой происходит распределение добра и зла таким образом, что это удовлетворяет всех или большинство обитателей этого вертепа.

Экспансия специфической корпоративной морали на национальный уровень в законопослушный социум имеет, конечно, свои причины: извечное недоверие русского человека к власти и к официальным законам, которые она пишет «под себя», с одной стороны, и «вхождение во власть» уголовного мира, с другой. Процесс этот напоминает некую «перманентную карнализацию», создающую мир наизнанку, в котором «последние становятся первыми», а первые, соответственно, последними, где господствовавшие ранее нравственные категории «опускаются», а на их место поднимаются понятия корпоративной морали – появляются «хорошие» и «плохие» бандиты (см. телесериал «БРИГАДА» и пр.), «хорошие» и «плохие» проститутки, сутенеры и «бандерши» (см. сериал «ПРОКЛЯТЫЙ РАЙ»), «точка отсчёта» меняется и «порядочный человек» становится «лохом».

Существование любой «партикулярной морали» невозможно без деления мира на «своих» и «чужих» с последующим подразделением на «классово близких» и «классово чуждых». Определиться с тем, что такое «понятия» и кто по ним живёт («свои») проще всего, наверное, апофатически, выяснив сначала, кто такие «чужие», у которых «понятий» нет. А не живут по ним порядочные люди и интеллигенты, которые в словаре носителей «понятийного сознания» получают имя «лохов».

Слово *лох* пришло в русское «просторечье-2» (Крысин 1989: 62) и молодежный язык (и *лох*, и *фраер* с пометой «жарг.» включены уже в толковый словарь русского языка – см.: БТСРЯ 1998: 506, 1433), очевидно, из тюремно-лагерного жаргона, где оно сменило *фраера* приблизительно в то же время, когда бандиты заговорили «уже не о “законах”, а о “понятиях”» (*Максимов 1998), а на смену «законникам» пришли «авторитеты» – в начале 80-х годов прошлого века. Этимология его остается неясной: с таким же успехом оно может происходить от «лососа в период нереста» (Юганов-Юганова 1979: 125) или «лопуха» либо происходить от диалектного «разиня, шалопай» (Даль 1998, т. 2: 269), как и быть

заимствованием из идиша (*loch* – «дыра», *loch am kopf* – «дырка в голове», «придурак», подобно тому, как «фраер» произошло от *fraier* – «жених») или из польского языка (*loch, włoch* – «мужик, крестьянин; наивный, доверчивый человек») (Мокиенко-Никитина 2000: 322).

Лохи и фраера для криминалитета – не просто «чужие» («фраер – человек, не имеющий отношения к преступной среде» – Балдаев и др. 1992: 262; «человек, не относящийся к миру воров, ментов и лохов, вызывающий презрение со стороны воров» – Карасик 2008: 102; «Ну, попросту: фраера – это остальное, не воровское человечество» – Солженицын): это, прежде всего, предмет промысла, «дичь», дающая пропитание и образующая начало «пищевой цепочки» («лох – потенциальный объект преступления, жертва криминальных действий» – Химик 2004: 298; «А лох – ценный промысловый вид: он даёт жулику деньги, водку, жратву, баб, в конце концов» – Константинов-Новиков).

Фраер, в отличие от *лоха*, очевидно, «классово близок» носителям «понятий», о чем, в частности, свидетельствует возможность его гипокористической суффиксации (*фраерок, фраеришка*) и положительные коннотации в сочетаниях с определениями: *честный фраер, битый фраер* («Человек, не принадлежащий в преступному миру, однако знакомый с его привычками, законами, моралью и умеющий за себя постоять» – Грачев 1992: 178), *kozyрный фраер* («По фене *kozyрным фраером* называют представителя низшей ступени в воровской иерархии. Проще сказать – начинающего вора» – *Разинкин-Тарабрин 1998).

В оппозиции «свои–чужие» *лох* – абсолютно «классово чуждый элемент», некая «прореха на человечестве». «Инвективный потенциал» *лоха* почти равен «козлу/петуху» – за *лоха* могут и убить. Люди, в отличие от прочих животных, не останавливаются перед внутривидовым уничтожением, а для этого сначала ближнего нужно уничтожить морально, вывести из числа себе подобных, лишив его каких-либо положительных человеческих качеств – назвать «лохóм».

В речи носителей специфического корпоративного этоса *лох* – квалификация обычного порядочного человека: «В <...> новорусской клоаке напрочь исчезло понятие *порядочный человек*. Его заменило слово *лох*» (Константинов-Новиков 2000: 39). Так, со сменой культа сакральное становится профанным, а

мелиоративы – пейоративами. Порядочность как светский аналог праведности – это свойство тех, «кто довольствуется меньшим того, на что имеет законное право» (Аристотель). Порядочные люди «честны и не лгут, пока не нужно» (Чехов 1956, т. 10: 495), они соблюдают по возможности элементарные моральные нормы, изложенные вкратце в письме А. П. Чехова брату Николаю: уважают чужое и собственное достоинство, добры, не скандалят, не лгут, не воруют, не юродствуют, не суетны... (см.: Чехов 1956, т. 11: 83–85).

Семантика *порядочного человека* в значительной части своего объема пересекается с семантикой *интеллигента*, с этикой которого, по утверждению Ю. С. Степанова, «ближе всего совпадает основной нравственный закон» (Степанов 1997: 644) и отличительной чертой которого является обострённое чувство справедливости (см. Карасик 2005а: 29) – гиперморализм. «Судьбы его печальней нет в России» (Волошин 1991: 197) – интеллигент одинаково, хотя и по разным причинам, малосимпатичен власти, народу (см.: Савицкий 2007: 195) и, естественно, криминалитету и носителям «понятий». Если власть его не любит за критическое к ней отношение, народ – за то, что «больно умный», то у представителей «понятийного этоса» вызывает презрение его доверчивость и отсутствие «распальцовки» – не хам!

При переходе из профессиональной речи в социолект и разговорный язык предметная, классифицирующая составляющая семантики *фраера* и *лоха* истончается и почти исчезает, в то время как их коннотативная, оценочная часть расширяется и усиливается – эти лексемы превращаются просто в бранные слова (см.: Химик 2004: 298, 657; *Мальцева 1998).

В число живущих по понятиям – «своих» – включается, прежде всего, весь «сонм» профессиональных преступников, как руководство – *законники* (воры в законе), *положенцы* (заместители), *смотрящие* (руководители на местах), *бригадиры* (главари банд), *авторитеты*, *кассиры* (держатели общаков), так и рядовые *бандиты* – (чисто реальные/конкретные) *пацаны/братаны*, *бойцы*, *боевики*, *быки* и пр. (см.: *Максимов 1998).

В свою очередь среди «своих» выделяются «преступники», нарушающие «понятия»: *беспредельщики*, *шпана*, *отморозки*, *борзые*, *отвязанные* и пр., и «отступники», ренегаты: *суки* и

ссученные (воры, нарушившие воровские традиции и обычаи, но не предавшие «воровскую» идею) и гады (воры, предавшие корпоративные интересы), которым полагается, как минимум, «битьё по ушам» (см.: *Разинкин-Тарабрин 1998).

Общая криминализация жизни и интенсивное проникновение в разговорную и не только разговорную речь «блатной фени» приводят к проникновению в «обыденное сознание» уголовных норм социального взаимодействия – «понятий», которыми руководствуются, сознательно или бессознательно, и «любители», объединяемые в одну, хотя и разнородную, группу уже не профессиональным, а «моральным» признаком.

Прообраз сегодняшних «понятий» – «писанный неписанный воровской закон» (Танич) – сложился в России, по свидетельству источников, где-то в 30-е годы прошлого века не без участия тогдашних «компетентных органов» (см.: *Дышев 1998). Видимо, тогда и сложился институт «воров в законе», соблюдающих «кодекс воровской чести» как совокупность криминальных традиций и обычаев. В число требований этого «кодекса» входили: запрет на сотрудничество с государственными органами и службу в армии, несколько обязательных ходок в колонию, активное участие в жизнедеятельности «воровского сообщества», отказ от любого труда, проживание на материальные средства, добытые преступным путем, пропаганда воровских обычаев и традиций, а также преступного образа жизни, организация сбора «общаковых» средств и контроль за их использованием, опека и помощь заключенным под стражу и осужденным («подогрев зоны»), соблюдение решений сходок, организация противодействия государственным органам, запрет на обладание собственностью, отсутствие постоянного места жительства и отказ от семейной жизни (см.: *Дышев 1998; *Максимов 1998; *Разинкин-Тарабрин 1998).

Нужно отметить, что *вор* и *закон* – лексемы «вторичные идеологические» (Филиппова 2007: 6), отмеченные энантиосемией: если в литературном языке и в речи законопослушный людей («лохов») *вор* – преступник и злодей, а *закон* – юридическая норма, защищающая общество от последних, то в речи носителей уголовной фени *вор* – почетное звание, а *закон* – традиции воровской среды и обязательные для неё правила поведения.

С наступлением говорухинской «Великой криминальной революции» конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века и вхождением криминалитета во власть и в собственность «революционные изменения» претерпел и «Кодекс воровской чести» – он не только поменял имя и стал называться «понятиями», но и утратил за ненадобностью большую часть своих статей и «обуржуазился»: из него, естественно, ушли запреты на обладание собственностью («пафосную жизнь»), легальные доходы, создание семьи, постоянное место жительства, участие в работе государственных органов, необходимость «ходок на зону». По существу, превратившись в «моральный кодекс строителя российского капитализма», он сохранил в неизменном виде лишь одну – первую и основную – заповедь любой «партикулярной» морали: «справедливость – для своих». У «своих» нельзя воровать; их нельзя *кидать, разводить, обувать*; с ними нужно делиться, у них нельзя *крысятничать* и пр.

Основные концепты, составляющие лингвокультурную идею справедливости, – «справедливость» и «несправедливость» – в профессиональном и социолектном жаргонах русского языка получают имена «*понятий*» и «*беспредела*». Эти лексические единицы образованы путем семантического переосмысления и морфологического переформления соответствующих основ литературного языка. Функционируя в профессиональной речи уголовников, они одновременно обозначают как нормы догосударственного, «обычного права», подкрепляемого карательными санкциями преступного сообщества, так и моральные понятия преступного этоса.

Как уже говорилось, по утверждению Аристотеля, «справедливость не есть часть добродетели, а вся добродетель, и противоположность её – несправедливость – не часть порочности, а порочность вообще» (Аристотель 1998: 248), т. е. справедливость равнозначна морали и включает в себя все её нормы, запрещающие действовать во вред ближнему – «своему». Тем самым, для уяснения того, что означают нормы «партикулярной справедливости», в принципе, достаточно перечислить запреты на их нарушения: нельзя (*«западно», «стрёмно», «не по понятиям»*) делать то-то и то-то по отношению к «своим».

«*Понятия*» – относительно недавнее «приобретение» русской разговорной лексики: словари тюремно-лагерно-блатного

жаргона и русского сленга прошлого века эту лексическую единицу ещё не фиксируют (см., например: Балдаев и др. 1992; Грачев 1992; Юганов-Юганова 1979). Модель её семантической деривации от соответствующей лексемы русского литературного языка путем сужения предметной области относительно прозрачна: сначала понятие как «представление, сведения о чем-нибудь» (Ожегов 1953: 510), затем разговорное «*понятия*» как «то или иное представление о чем-нибудь, способ понимания чего-нибудь» (Ушаков 2000, т. 3: 581) и «уровень понимания чего-либо; совокупность взглядов на что-либо» (СРЯ 1983, т. 3: 290; БТСРЯ 1998: 919), а в конечном итоге – совокупность взглядов какой-либо социальной группы на поведенческие и моральные нормы.

Сужение предметной области *понятий* начинается ещё в литературной речи с их «авторизации» (мои/твои/его *понятия*) и «кванторизации» («по всем *понятиям*»), а также определения их «хронотопа» – времени и места (географии) тех представлений, о которых идёт речь¹: «По всем **понятиям** человек ещё не старый, я резко вдруг ощутил, что что-то истекает, уходит, и поддался панике» (Соловьев); «Позвольте вас спросить, – начал Павел Петрович, и губы его задрожали, – по вашим **понятиям** слова: “дрянь” и “аристократ” одно и то же означают?» (Тургенев); «Кроме гимназии Гуля никаких учебных заведений не кончала, но языки знала хорошо, а по **понятиям** нового времени даже великолепно» (Улицкая); «Бабушка, ты опять отстала, ты по старым **понятиям** живешь» (Распутин); «Магазин находился в Ольховке, верстах в десяти, расстояние по здешним **понятиям** небольшое» (Хазанов); «Курортная суета аэропорта, бабульки, предлагающие ночлег за умеренную по кавказским **понятиям** мзду, разлапые черные в ночи пальмы – все так знакомо!» (Серафимов); «“Зорба” выдержал только зоо представлений (по бродвейским **понятиям** очень мало) и сошел со сцены» (Журбин).

Эта предметная область сужается ещё больше, когда речь идёт представлениях какой-либо социальной группы – конфессиональной, гендерной, возрастной, профессиональной, сословной и пр.: «По христианским **понятиям**, как ни смутно он

---

¹ В качестве источника материала для исследования использовалась в том числе и электронная база данных «*НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА».

их себе представлял, он должен был попросить помолиться и за Фомичева» (Бабаян); «Чудовищная, по мусульманским **понятиям**, сцена» (Бовин); «Покой, праздность, бездействие – вот высшее состояние человека, по хлыстовским **понятиям**» (Мельников-Печерский); «По армейским **понятиям**, да и не только по армейским – подлость несусветная» (Криминальная хроника 2003.07.08); «По цирковым **понятиям** это был возраст почти пенсионный для “воздуха”» (Улицкая); «Вот и делят они бывшие всенародные, а ныне частные по своим воровским **“понятиям”**, как показано на второй диаграмме» (Советская Россия, 2003.04.08).

«Настоящие понятия» начинаются тогда, когда речь идёт о совокупности морально-правовых норм какой-либо социальной (референтной) группы – группы, к которой себя относит либо желает относить говорящий («Это – не/по **понятиям**») либо протагонист высказывания («Х считает/полагает, что это – не/по **понятиям**»).

Прежде всего, эти «понятия» по старой и «доброй» российской традиции противостоят писанному, официальному и юридически апробированному закону: «Россия все-таки во многом ещё “по **понятиям**”, а не по **закону** живёт» (Деловой квартал 2003); «Поэтому, наверно, принятие такого закона необходимо, но, поскольку мы в нашей стране по-прежнему живем “по **понятиям**”, **закон** ещё ничего не означает» (Известия 2003.10.03); «Мы особый народ, душа у нас такая, – продолжаем жить не по **закону**, а по **понятиям**» (Время МН 2003.05.26); «Нация веками жила “по **понятиям**”, а не по **закону**» (Известия 24.08.2001); «В результате многие люди готовы скорее обращаться к криминальным авторитетам в надежде, что их рассудят если не по **закону**, то хотя бы по каким-то **“понятиям”**» (Независимая газета 28.04.2003); «В государстве жизнь должна строиться по **закону**, а не по **понятиям**» (Эхо Москвы); «Если бы здесь были представители прокуратуры, я бы им сказал следующее: ребята, я думаю, что вы как профессионалы дела заводите по **закону**, но вот фигурантов для них выбираете “по **понятиям**”» (Москва 07.07.2003); «Жизнь в республике строится скорее на **понятиях**, чем на **законах**, – говорит эксперт Московского центра Карнеги А. Малашенко» (АиФ 2006 № 30); «Ситуация разборки не по **закону**, а по своим **понятиям**» (НТВ 05.09.2006); «Вы

поступайте по **праву**, а не по **понятиям**» (НТВ 24.11.2000); «Он (Шутов) преступил не только **законы**, но и **понятия**» (НТВ, 17.02.2006).

Со всей очевидностью семантика **понятий** носит стереоскопический, объемный характер: в зависимости от «точки зрения» – морально-правовых установок говорящего/протагониста высказывания – в ней «высвечиваются» те или иные содержательные компоненты, прежде всего аксиологические.

Так, для носителей законопослушного, «государственного» сознания **понятия** (по умолчанию уголовные) – безусловное зло, стоящее на пути демократии, справедливости, правового государства и пр.: «То есть, как тут говорили, “по **понятиям**” – у ‘пахана’» (НТВ 22.09.2000); «Или очень скоро мы все будем жить “по **понятиям**” воровского общака» (Беспредел 2002); «Потому что бандиты, живущие “по **понятиям**”, считают это позорным для себя» (Известия 11.01.2002); «В быту вполне закрепился словарь “братков”, жизнь “по **понятиям**”, в целом, стала нормой» (Лебедь 02.06.2003); «Здесь боевики жили не по законам, а по привычным блатным **понятиям**» (Трошев); «И дело даже не в знании обстановки, где живут по тюремным правилам – **понятиям**, где есть хитромудрая иерархия и своя шкала ценностей» (Солдат удачи 2004); «Однако криминал вершит свой суд по **понятиям**» (Советская Россия 01.09.2003); «За десятки лет воровские **понятия** претерпели изменения» (НТВ Следствие вели 15.12.2006); «“Грабь награбленное”. Позже это правило станет основным воровским **понятием**» (НТВ 15.12.2006); «Только 8 лет отсидел в одиночках. Для него **понятия** – образ жизни» (НТВ 15.12.2006); «“А кто же граждане-генералы?” Уж не чиновники ли мздоимцы? А может, артисты, взхлёб играющие бандитов и тем насаждающие в обществе уголовные нравы и **понятия**?» (АиФ 2006 № 32); «Есть закон, нужно ему следовать. А жить по **понятиям**, это неправильно» (НТВ 03.02.2007); «Не вор я больше, нет для меня их **понятий**» (НТВ 06.09.2006); «Его убийство всколыхнуло всю страну, уже отвыкшую от **понятий** 90-х» (НТВ 15.10.2006); «О таких избирателях любая парламентская партия только и мечтает: живут “по **понятиям**”, ходят строем и при этом считают себя наполеонами!» (АиФ 2007, № 12); «Потому что у нас, при

бандитском капитализме, уже давно живут не по законам, а по **понятиям**» (Лебедь 07.12.2003)

В то же самое время, как ни парадоксально, для носителей законопослушного сознания совершенно неприемлемы **понятия**, равносильные произволу, по которым живёт российская власть в лице её чиновных представителей: «Дело в том, что сейчас прокуратура и вообще государство живёт “по **понятиям**”» (НТВ 22.09.2000); «В этом процессе похитители людей объединились вместе с преступниками в погонах и прокурорских мундирах против порядочного человека, законопослушного бизнесмена и еврейского общественного деятеля, не согласного жить “по **понятиям**” и жестоко наказанного за это прокурорами, от которых он безуспешно требует соблюдения законности» (Вестник США 25.06.2003); «На словах – “диктатура закона”, по делу – произвол чиновников, решающих свои дела по своим своекорыстным “**понятиям**”» (Советская Россия 01.09.2003); «Что касается отношения власти и правозащитного движения, мы твердо убеждены, что мы государственники – ибо мы за сильное государство, которое могло бы принудить, прежде всего, своих чиновников, которые приватизировали власть – работать по **законам**, а не по своим **понятиям** и интересам» (Москва 09.12.2004); «По меткому выражению П. Д. Баренбойма, законодатели и представители исполнительной власти России должны в ближайшие четыре года подтвердить своё “конституционное гражданство” и предотвратить сохраняющуюся угрозу “конституционной анархии”, когда власть живёт не в соответствии с буквой и духом Конституции, а по собственным политическим **понятиям**» (Адвокат 2004); «Чиновники ПФ заявили о своем праве обирать пенсионеров по своим “**понятиям**”» (Советская Россия 01.09.2003).

Понятия, вполне естественно, принимаются и одобряются своим создателем – криминальным сообществом, члены которого по ним «живут и умирают»: «Ну, по **понятиям**, эти, в пальто, не правы были» (Кивинов); «Братан, давай по **понятиям**. Коробок пять отгрузи за моральный и материальный убыток» (Кивинов); «Уж кому я в этой истории не завидую, так это главному её герою, Герихону. Ведь по **понятиям** он не совершил ничего плохого: делал свою работу. Крал машины» (ЕЖ 18.09.2006); «На “разборке”, “стрелке”, “тёрке” все раскладывается по **понятиям**

простым и ясным каждому гражданину – либо ты прав, либо ты не прав» (Осипов); «С трудом, но удалось уговорить тех и других на совместный контроль большинства участков: “братки” обошли избирательные комиссии и “в натуре” им объяснили, что “будем жить по чисто правовым **понятиям** – без всяких беспредельных фальсификаций”» (Завтра 16.03.2003); «Это было “не по **понятиям**”, которых он неукоснительно придерживался до конца жизни» (Спецназ России 15.03.2003); «Оголтелый национализм, в котором погрязла Грузия, Джаба не принимал: “не по **понятиям**”» (Спецназ России 2003.03.15.03.2003); «Один из ставропольцев, Алексей Гамзатов, побежал за Козловым и попросил его “прекратить беспредел” и “разобраться по **понятиям**”» (Коммерсантъ-Daily 20.01.1996); «Молчи, Сергей, – раздражался старший, – отвали со своей культурой, тут чисто по **понятиям** развести надо» (Кабаков).

Менее естественно, но вполне объяснимо, когда понятия принимаются носителями законопослушного сознания – ими никак не оцениваются либо даже одобряются: «Просто мне с ним нужно серьезно поговорить, так сказать, по-пацански, если хотите – по **понятиям**» (Хулиган 2004); «Оказалось, она этим летом отъехала в Грецию “с одним пацаном, который живёт исключительно по **понятиям**”, и уже обвенчалась с ним, причём не где-нибудь, а в Иерусалиме» (Вишневецкая); «Сегодня жить по “обыкновениям”, а завтра – по “**понятиям**” изменчивого большинства» (Советская Россия 15.05.2003); «Хотя, “чисто по **понятиям**” речь в романе лишь о том, что даже “реальные мэны” с их бескрылым прагматизмом, ползучим эмпиризмом, на-всё-насеризмом и безмерно завышенной самооценкой тоже, оказывается, способны допёреть до идеи управления будущим» (Лебедь 28.07.2003); «Каждый по способностям, от каждого по **понятиям**» (Кивинев); «И снова уже собрались, было, политические оппоненты, пометелить его по **понятиям**, как Паниковского, в очередной раз попавшегося на краже гуся» (Лебедь 26.10.2003); «Ныне же партия власти затеяла аналогичную по смыслу работу с олигархами, избрав поводом для нападения на это сословие его нежелание платить ясак “по **понятиям**”» (Лебедь 16.11.2003); «Для общественного сознания все происходящее означает только одно: это ИХ дела, разбираются между собой по собственным **понятиям** с использованием

доступных ресурсов» (Время МН 2003); «По **понятиям**, если “обидчиков” опустить, кастрировать или убить, то позор будет смыт со всего народа» (Лебедь 07.12.2003); «О себе оратор сказал, что всегда жил “по совести и по **понятиям**”» (Богатей 2003).

Объяснимо же это, видимо, тем, что в их представлении «понятия», в отличие от писанного закона, даже будучи уголовными, имеют правовой характер внутри определённой социальной группы – «своих»: их нормы приемлются всеми членами этой группы, направлены на её сохранение и сознаются как основанные на принципах справедливости.

Об эволюции *понятий* в общественном сознании, о смене аксиологических акцентов в их семантике свидетельствуют, в частности, результаты опроса респондентов: университетской молодёжи – студентов и аспирантов. Для подавляющего из них большинства *понятия* – это «установленные в обществе правила и нормы поведения», «нормы и правила, приемлемые в определенном круге людей», «неписанные правила общения, жизни и отношений в обществе», следование которым оценивается положительно, а отказ от такого следования превращает человека «в изгоя» (ср.: «Понятия – система законов, обычаев и предрассудков, бытующих в той или иной социальной или возрастной группе, всеобщие взгляды на мир; сложная система с многочисленными табу, способы доказать свою видимую или настоящую правоту» – Мальцева 1998). *Понятия* здесь отождествляются с законом: жить по *понятиям* – «жить по законам той или иной группы населения»; «действовать в соответствии с определённым законом»; «жить по правилам и законам какого-то конкретного общества». Более того, *понятия* здесь приобретают какой-то всеохватный характер, становятся если не умом, то, по меньшей мере, «честью и совестью эпохи»: «У каждого есть нормы и границы (через которые нельзя переступить) морали, совести, чести» (это о *понятиях!* – С. В.). Уголовное толкование *понятий* воспринимается в этой среде как устаревшее – «Так было раньше!». «Жизнь по *понятиям* возможна как “на зоне”, так и в обычной среде. Жить так подразумевает выполнение правил и обязанностей, также эти *понятия* дают вам определённые права». Тем не менее, хотя и спорадически, жизнь «в соответствии с корпоративной традицией» (Химик 2004: 470) осуждается: «Понятия – законы людей, считающих себя

“избранными” в обществе и живущими по принципу “все для себя – остальное для других”».

«Универсализация» понятий, отождествление их с законом наблюдается и в языке средств массовой информации: «Новыми врагами стали при этом чужаки, недавние пришельцы на улицы родных городов, плохо говорящие по-русски и ведущие себя не по **“понятиям”** (то есть “нашему” своду законов), – “черные”, “чурки”, “чучмеки”, “хачики” и иже с ними» (Неприкосновенный запас 2003); «Так что получается законы по **понятиям**, как говорят по телевизору» (Москва 01.04.2003); «Ей как бы говорят: чтобы в России восторжествовал закон, давайте – по **понятиям**» (Известия 03.03.2003); «При этом наличествует предупреждение, что подделка “преследуется по **понятиям**”» (Вечерняя Москва 10.01.2003).

Понятия как свод основных положений некой корпоративной морали при ближайшем рассмотрении, в принципе, ничем особенно не отличаются от любого другого «морального кодекса» – строителя ли коммунизма, капитализма или чего-либо ещё, где на первом месте стоит заповедь лояльности «своим», а самым страшным грехом считается предательство – не случайно, видимо, Данте в последний круг своего ада помещает предателей, Иуду Искарюота и Брута (Inferno 34: 60–69). Понятия в переложении на литературный язык сводятся к запретам наносить какой-либо неоправданный ущерб «своим» (*предавать/сдавать, обманывать/кидать/обувать/разводить, воровать/крысятничать, грабить* и пр.), а также общаться с «врагами»: «Я **понятия** знаю. Своих кентов никогда не кидал» (Кивинов); «Зачем, Гена, нашу точку отбираешь? Неправильно это, не по **понятиям**» (Константинов-Новиков); «Палыч велел передать: от чужого откусываешь. Не по **понятиям** живешь, Илья» (Константинов-Новиков); «Помогать менту было совсем не по **понятиям**. Помогать менту было запаadlo» (Константинов-Новиков); «Или вот сидим мы с тобой, разговариваем. По **понятиям** это же впадлу: бродяге с ментом, хоть и осужденным, по душам говорить» (Константинов-Новиков).

Языковой знак для обозначения семантического противочлена «понятий» – «беспредела» – также появился относительно недавно: словари, Д. Н. Ушакова (1935), С. И. Ожегова (1953) и оба академических – большой (1951) и малый (1981) – его не

фиксируют, а включен он словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992) с пометой разг. в значении «крайняя степень беззакония, беспорядка» (Ожегов-Шведова 1998: 45) и в словарь С. А. Кузнецова (1998) с пометой разг.-сниж. в значении «отсутствие правил, законов, ограничивающих чей-либо произвол» и «произвол, беззаконие» (БТСРЯ 1998: 75). И, естественно, он фиксируется в словарях жаргона и разговорной речи (см.: Мокиенко-Никитина 2000: 60; Химик 2004: 44). «Беспредел» в книжно-литературном русском языке появляется лишь в качестве авторского неологизма: «Если б ты оценила любви **беспредел**» (Левин); «Фантастическая “пространственная одаренность” отличала Гоголя и метафорический **беспредел** пространственного видения всего на свете мы у него наблюдаем на каждом шагу, в том числе и в этом высказывании» (Бочаров).

«Внутренняя форма» этого слова вполне прозрачна («До **беспредела** мы дошли, но это ещё не предел») – «отсутствие предела как ограничений на что-либо» – и в какой-то мере воспроизводит, только с противоположным оценочным знаком, значение столь милой русскому сердцу «воли». В разговорной речи «беспредел» успешно конкурирует с «произволом»: «Настоящий произвол (это литературный синоним широко употребляемого ныне, к сожалению, блатного термина “**беспредел**”) начался в марте 1917 года» (Спецназ России 15.04.2002); «Кстати, только наши практики решили вместо слова “произвол” пользоваться словом “**беспредел**”, которого нет ни в одном словаре русского языка» (Аграновский); «Куда пропало слово “произвол”, когда к нему подселили “**беспредел**”, который оказался, если быть справедливым, словом сочным, густым и ярким?» (Аграновский).

В разговорную речь «беспредел», очевидно, «поднялся» из тюремно-воровского жаргона, где «беспредельщиной» обозначались уголовники, «не относящиеся ни к вора в законе, ни к сукам» (Грачев 1992: 48–49), а «беспределом» – преступления, совершаемые с чрезмерной жестокостью даже с точки зрения профессиональных преступников: «Кончить её – полный **беспредел**, если “по понятиям”» (Константинов-Новиков).

«Беспредел» в отличие от «понятий» в жаргонной и в разговорной речи всегда оценивается отрицательно. Как и его семантический противочлен, «беспредел» практически

«всеохватен» – он стоит в одном ряду с беспорядком, анархией, хаосом, преступностью, беззаконием, несправедливостью, бесчинством, разгулом, неуважением, расхлябанностью, бандитизмом и даже демократией и вольницей, а противопоставляется порядку, закону и справедливости: «Но тут **беспредел** был поправлен новым **беспределом** юнцов, едва вступивших в жизнь и не признающих никаких законов» (Слаповский); «Ему, американцу, привыкшему жить по законам, кажется, что если законов нет, то это **беспредел**, полная свобода и вообще Вудсток» (Столица 29.09.1997); «Тот же **беспредел** и беззаконие под видом легитимной власти» (Завтра 25.07.2003); «Когда на смену хаосу и **беспределу** приходят уютные интернет-кафе и чистенькие офисы, в которых так приятно посмотреть тайком от шефа на приключения маленькой питерской беспредельщицы и услышать, например, такое от обкурившегося приятеля Масыни по имени Хрюндель» (Домовой 04.04.2002); «Если говорить про Путина, мне нравится такая у него международная политика, но в стране **беспредел**, бардак» (ФОМ 22.07.2003); «Это же форменный беспорядок, анархия и **беспредел**» (Капишникова); «Он не он, лишь бы коммунистическая партия навели порядок, а сейчас **беспредел**» (ФОМ 26.06.2001); «В стране должен быть порядок, а у нас **беспредел**» (ФОМ 12.04.12.2001); «Вы знаете, может быть я покажусь параноиком, но мне кажется, что все такие передачи проводят определенное направление на то, что и смотрит это молодежь именно для того, чтобы эта вот расхлябанность, разлаженность, этот **беспредел** отношений человеческих» (ФОМ 11.2001); «Теперь, когда начался то ли **беспредел**, то ли вольница, то ли демократия, коллективные оценки содеянного в театре стали происходить реже, чем в вышеописанное время» (Захаров); «Говорят, у вас там **беспредел**, бандитизм» (Кунин); «Во всем чувствовалось какое-то всеобщее неуважение, **беспредел** – шофер не объявлял остановки, но и не требовал платы за проезд» (Слипечук); «Обыватель, наблюдая на экране преступный разгул и **беспредел**, становится пугливым, как мышь» (Миронова); «Я понимал, что бесчинства партноменклатуры – равно как и **беспредел** её олигархических наследников – были бы невозможны без соучастия “специнтеллигентов”» (Петербургский Час пик 17.09.2003); «Был

осужден на долгий срок по **беспределу**» (Песня); «На общем режиме больше **беспредела**, потому что у человека нет понятий» (НТВ 14.09.2006); «Шок от того, что людей, которые защищают Родину, **беспредельно** сбивает на дороге поколение, которое любит “Клинское”» (НТВ 15.01.2006); «Милые детки, если их оставить без присмотра, устраивают такой **беспредел** – только держись!» (Константинов-Новиков).

Степень интенсивности отрицательных коннотаций в семантике «беспредела» приводит к крайнему «истончению» её предметной части, когда здесь остается почти лишь одна эмоциональная оценка, часто усиливаемая интенсификаторами «черный», «чистый», «полный», «настоящий», «вообще/ваще»: «А уж там – **беспредел** веселья и отдыха!» (forum.rsuh.ru 2005); «Реакция на этот черный **беспредел** Глазьева пока более чем скромная» (Советская Россия 15.06.2003); «И поверьте, ну что делать, это в данной ситуации чистый открытый **беспредел** власти» (НТВ 04.04.2001); «Но в последующем в этой области начался самый настоящий **беспредел**» (Тарасов); «Полный **беспредел** творится с беседкой, я там последнее время темы боюсь читать» (forum.rsuh.ru 2005); «Быстров также бурно отреагировал, и тоже получил вторую для себя желтую карточку. Ваще **беспредел**, или засудили или просто проиграли» (forumsport.ru 2005).

Атрибутивное и обстоятельственное расширение имени «беспредел» определяют субъект и область последнего – кто и где его творит: «На самом же деле криминальный **беспредел** у нас везде» (ПОЛИТКОМ.РУ 18.04.2003); «Народным ответом на эту слабость стал уголовный **беспредел** и почти полное исчезновение страха перед бессильной властью» (Профиль 03.02.2003); «Чтобы понять, откуда взялся в начале XXI века – чай, минула уже эпоха коллективизации, – колхозный **беспредел**, нужно вернуться в 1993 год» (Известия 24.06.2003); «Кроме того, говорят думские эксперты, благодаря этому документу удастся предотвратить “тарифный” **беспредел**» (Время МН 2003); «К примеру, жители домов №№ 46 и 51 по улице Емлютина утверждают, что длится этот коммунальный **беспредел** несколько лет» (Богатей 22.05.2003); «На кого, в конце концов, они хотят переложить ответственность за армейский **беспредел**?» (Новая газета 16.01.2003); «Повседневная практика свидетельствует о том, что

только силами природоохранных и контролирующих органов остановить разрушительный экологический **беспредел** невозможно» (Профессионал 2000); «Посмотрим, чем закончится этот сексуальный **беспредел**» (Хулиган 2004); «Да, мне понятна та паническая реакция профанической критики, которая этически реагирует на эстетический **беспредел** свободного текста» (Бакланов); «То есть вот этот строительный **беспредел** меня волнует» (ФОМ 09.02.2003); «Хотелось бы, чтобы эти слова дошли до руководителей высокого ранга, чтобы они, наконец, узнали, какой **беспредел** творится в ЖКХ» (Советская Россия 15.02.2003); «Тот **беспредел**, который творится у нас на телевидении, и отсутствие целей и идеалов у молодёжи, даром не проходят» (Известия 05.11.2001).

По статистике особенно возмущает здесь беспредел, творимый как раз теми «лицами и организациями», которые, казалось бы, по долгу службы обязаны с ним бороться – государственные силовые структуры, органы законодательной и исполнительной власти всех уровней: «Некие эскадроны смерти из федералов, ФСБ, МВД похищают людей, продолжается **беспредел** на блокпостах, между блокпостами» (Эхо Москвы); «Но если милицейский **беспредел** будет оставаться безнаказанным, он никогда не исчезнет» (АиФ 2006 № 42); «Но если это по-чеченски обозначается как “мирная жизнь” и “законная власть”, то по-русски это называется – “**беспредел**”» (Время МН 2003); «А то, что творят правоохранители, можно охарактеризовать одним словом – “**беспредел**”» (Независимая газета 28.04.2003); «Доколе можно терпеть **беспредел**, творимый федеральными и местными властями!» (Советская Россия 10.07.2003); «У нас чиновничий **беспредел**, который не даёт ничем заниматься» (ФОМ 02.09.2003).

Все сказанное, как представляется, приводит к двум, достаточно невеселым заключениям:

В нашей реальной жизни кодекса универсальной морали, включающей требование абсолютной справедливости («справедливости для всех»), не существует: любая справедливость «партикулярна», и неважно, сколь широк круг лиц, на которых она распространяется («своих»).

Свободная «миграция» лексических единиц (понятия и **беспредел**) из специфического профессионального (уголовного)

жаргона в социолекты и разговорный язык косвенно свидетельствует о тенденции к превращению «корпоративной морали» в национальную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Лабиринты души // Августин Аврелий. Исповедь; Блез Паскаль. Письма к провинциалу. Симферополь, 1998. С. 5–206.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн., 1998.
3. Дышев С. От «воров в законе» до «отморозков»: Россия уголовная. М., 1998. Электронная версия.
4. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград, 2005. С. 25–61.
5. Карасик В. И. Социокультурный типаж «шпана» в русском языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 101–108.
6. Константинов А., Новиков А. Арестант. СПб., 2000.
7. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
8. Лейнг К., Стефан Дж. Социальная справедливость с точки зрения культуры // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. М., 2003. С. 598–655.
9. Максимов А. А. Российская преступность. Кто есть кто? М., 1998. Электронная версия.
10. Разинкин В., Тарабрин А. Цветная масть: элита преступного мира. М., 1998. Электронная версия.
11. Савицкий В. М. Интеллигенция и интеллигентность // Vita in lingua: К юбилею профессора С. Г. Воркачева. Краснодар, 2007. С. 191–202.
12. Толстая С. М. Преступление и наказание в свете мифологии // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 373–379.

Источники

1. Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – М., 1992.

2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.
3. Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. – М., 1991.
4. Грачев М. А. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. – Нижний Новгород, 1992.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – СПб., 1998.
6. Мальцева Р. И. Словарь молодёжного жаргона. – Краснодар, 1998.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000.
8. Национальный корпус русского языка: (www.ruscorpora.ru).
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М., 1953.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1998.
11. СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х тт. – М., 1981–1984.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. – М., 2000.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. – М., 2003.
14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.
15. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – М., 2000.
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – М., 1999.
17. Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т. – М., 1956.
18. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90 годов). – М., 1979.

Получено 08.05.2008

Воркачёв, Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Кубанского государственного технологического университета; svork@kubstu.ru.